

Истинный владыка Цзинься поднял руку, останавливая юного Цинлая. Его благодушное лицо сделалось непривычно суровым.

— Цинхэ, такими словами бросаться не стоит.

Он до сих пор отчетливо помнил того юного собрата по Дао и то поразительное, чистое и грозное намерение меча, которое исходило от мальчика. Человек, чьи помыслы нечисты, чья душа полна корысти и сомнений, никогда не смог бы обладать столь безупречной волей — острой, точно лезвие клинка, устремленное только вперед.

— Учитель, чужая душа — потёмки, — Ли Цинхэ упрямо прикусил губу.

Да и сам он прежде никогда бы не поверил, что однажды возненавидит Янь Фуи так сильно, до темной, удушливой ярости в груди.

Ну как может существовать на свете человек, сотворивший столь омерзительное злодеяние, за которое каждый в Поднебесной жаждет его покарать, и при этом не испытывающий ни капли раскаяния?

Как после того, что случилось тогда, этот подлец смел оставаться в Куньлуне? Как смел занимать место первого старшего ученика, украденное с помощью гнусного заговора, пользоваться властью в личных целях и лицемерно рассуждать о высоком пути меча?

На этот раз ему просто повезло сбежать вовремя.

Разрушил единственный шанс на воскрешение моего брата, снова накликал беду... Теперь даже шишу Вэньтянь отказался его защищать. Поднебесная велика, но этот предатель заслужил то, что ему больше некуда податься.

Справившись с волнением, Ли Цинхэ заговорил вновь, тщательно взвешивая каждое слово:

— Учитель, вы и сами понимаете: чем одарённое гений от рождения, тем больше искушений подстерегает его на пути самосовершенствования. Разум колеблется, воля уступает алчности, и человек оступается, сворачивая на неверную тропу. Это случается даже с лучшими.

Цинлай, юный служка за спиной владыки, сделал шаг вперед. Лицо мальчика пылало от гнева:

— Ли Цинхэ, как легко ты судишь! Сам ты до сих пор не одолел и третьего яруса Зонта Первозданного Хаоса Земли и Неба! А когда мы усмиряли духа зонта, именно он вытащил меня из ловушки тысячекратного иллюзорного царства!

— Цинлай, — негромко, но строго осадил его Цзинься.

Владыка предостерегающе поднял руку, а Цинфэн поспешил урезонить своего излишне горячего собрата, потянув его назад за рукав.

Стоявший поодаль Шан Цинъюэ едва заметно сощурился.

В мире заклинателей слава о Зонте Первозданного Хаоса Земли и Неба гремела повсюду. Этот артефакт небесного ранга истинный владыка Цзинься подчинил несколько лет назад во время своих странствий. Скрытый внутри него иллюзорный мир состоял из девяти ярусов и служил для закалки духа и укрепления даосского сердца.

Кто бы мог подумать, что за этим скрывалась столь удивительная история.

Владыка Цзинься пристально посмотрел на Ли Цинхэ:

— Ты ведь унаследовал моё учение и наверняка слышал о делах минувших дней. Если кто-то станет утверждать, будто в сердце того юноши таилось зло, я ни за что не поверю. Цинхэ, тебе нужно лишь разыскать его и привести сюда. Кто прав, а кто виноват — мы разберёмся сами.

У Ли Цинхэ перехватило дыхание от страха.

"Цзинься действительно не так прост... Да какими же неведомыми чарами этот подлец Янь Фуи умудрился столь искусно заморочить людям головы?"

Едва переступив порог ордена под началом истинного владыки Цзинься, он осознал, что по иронии судьбы занял чужое место, точно кукушонок в чужом гнезде.

Позже, благодаря снадобьям истинного владыки Даньдин, к нему начала возвращаться утраченная память. По крупицам он восстановил картину прошлого и вспомнил, откуда у него взялся заветный памятный знак. Но от этого злость лишь крепла: почему этот бессердечный монстр, этот Янь Фуи, заслужил столь щедрый подарок судьбы?!

Скрипнув зубами, Ли Цинхэ выдавил:

— Но этот человек... он сознавал всю тяжесть своих грехов. Он отступился от ордена и теперь скрывается неизвестно где.

К этому моменту и Шан Цинъюэ, и Янь Тиншуан начали понимать, куда клонится разговор.

Янь Тиншуан, силой забравший чужие врождённые кости меча, и без того терзался тайным страхом разоблачения. Теперь же, уяснив, что Янь Фуи связывали какие-то узы с самой Горой Неоставления, он и вовсе похолодел от ужаса. Мысли о том, чтобы во что бы то ни стало пробиться на испытания в тайную обитель, мгновенно улетучились. Единственное, о чём он

сейчас отчаянно молил Небеса, — чтобы владыка Цзинься не почувал в его теле ворованный дар.

Владыка Цзинься замер. С его лица бесследно исчезло привычное добродушное выражение.

— Ли Цинхэ, если тебе было известно обо всем этом и ты знал, что я долгие годы ищу его, почему же ты молчал до сих пор?

— Учитель! — Ли Цинхэ со стуком припал лбом к полу. — Ученик виноват! Но я лишь не хотел беречь ваши старые раны и причинять вам боль!

— Не хотел причинять мне боль?! — вскричал разгневанный владыка Цзинься. — Мне неведомо, какие дразги творятся в вашем Куньлуэ, но узнай я обо всем раньше, возможно, беду еще можно было бы предотвратить!.. Раз уж у тебя хранился его памятный знак, вы явно были близки. Как же у тебя поднялась рука безучастно смотреть, как твой благодетель низвергается в бездну погибели?! Ты даже имя его назвать мне побоялся! Что это — удушающая зависть или слепая жадность?!

Давление ауры могущественного мастера хлынуло неодолимой волной. Его голос в ярости гремел подобно храмовому колоколу. Цинфэн и Цинлай, чье совершенствование было еще далеко от вершин, ощутимо побледнели от этой тяжести. Ли Цинхэ мелко задрожал и вжал голову в плечи, не смея издать ни звука.

— Владыка, — Шан Цинъюэ взмахнул широким рукавом своего одеяния. Его ровный, леденящий душу голос прозвучал подобно удару меча, прорубив брешь в удушающей, почти осязаемой атмосфере, сковавшей Вершину Облаков. — Внутренние дела Даосского ордена Куньлуэ не должны обременять старейшин Горы Неоставления.

Две сокрушительные силы столкнулись воочию. В небесах за пределами зала, среди клубящихся облаков, проступили исполинские призрачные очертания: вздымающийся к зениту карающий клинок и судейская алая кисть. Это противостояние двух волей заставило воздух содрогнуться, предвещая бурю.

Но, памятуя о том, что он находится в гостях, владыка Цзинься смирил свой гнев, рассеивая ауру, и резко поднялся, взмахнув рукавами.

— Господин Вэньтянь, — Цзинься посмотрел сверху вниз на безучастное, скованное льдом лицо собеседника. В его голосе зазвучала глубокая, искренняя скорбь. — Я действительно не вправе вмешиваться в дела Куньлуэ. Но мое сердце обливается кровью при мысли о том, что редчайший, ниспосланный Небесами гений сгинет во тьме без следа. Для всего нашего мира это невосполнимая утрата.

Шан Цинъюэ ответил со сквозящим равнодушием:

— Если помыслы нечисты, а порочное нутро не исправить никаким учением, то и жалеть здесь не о чем.

Владыка Цзинься медленно прикрыл глаза.

— Мой почтенный учитель когда-то говаривал: «Глаза обманчивы, а разум не всегда опора». Даже на нашей с вами высоте суждения могут оказаться ложными. Однако наши слова и поступки способны перевернуть земную твердь и затмить солнце. Боюсь только, как бы минутное заблуждение не обернулось запоздалым раскаянием, исправить которое будет уже невозможно.

С этими словами, более не глядя на Достопочтенного Меча Вопросающего Небо, он развернулся и зашагал прочь. Следом за ним, бросая гневные взгляды на хозяев, поспешили его ученики.

Брови Достопочтенного Меча Вопросающего Небо едва заметно дрогнули. Слова Цзинься, подобные занозе, вонзились в его безупречно чистую, сияющую льдом духовную обитель, оставив в ней крошечную, едва приметную брешь.

Раскаяние?

Могущественная духовная сила забурлила в его меридианах, мгновенно и безжалостно стирая мимолетное сомнение. В глубине глаз великого мастера вновь воцарился нерушимый, вечный холод.

Путь меча прям и негибает, точно вековой бамбук или горная сосна. Он устремлен только вперед, не зная жалости и не ведая сожалений.

Выйдя за ворота храма и глядя на плывущие над заснеженными пиками облака, владыка Цзинься тяжело вздохнул.

— Учитель, — Цинлай обеспокоенно нахмурился, — неужели мы так и оставим дело того молодого шисюна?

— Да как такое возможно! — Цинфэн хлопнул его по плечу. — Наш учитель так долго пускал слюни на... то есть, я хотел сказать, разве наш учитель из тех, кто отступает от своего?!

Цинлай невольно фыркнул, но тревога так и не сошла с его лица.

— И все же эти куньлуныцы ведут себя чертовски странно. Словно имя того шисюна для них под строжайшим запретом... Но ведь в последние годы никто из прославленных молодых талантов великих орденов не уклонялся в путь демонов, верно?

Цинфэн лишь язвительно усмехнулся:

— А ты больше верь всему, что они болтают! Вспомни-ка: когда ты сам выбрался из иллюзии Зонта Хаоса, то добрую неделю ходил с твердой уверенностью, будто это я — злой кукловод за кулисами. Даже умудрился насобирать кучу «неопровержимых улик» и притащил их учителю! Стоит человеку вбить себе что-то в голову, как любая мелочь начинает казаться ему подтверждением собственной правоты. Обыкновенное самообольщение.

— Ну... прости за тот случай, — Цинлай густо покраснел и смущенно забормотал под нос.

— Да брось ты, пустяки! — весело отмахнулся Цинфэн. — Зато со стороны наблюдать за твоими мучениями было одно удовольствие.

Пока ученики добродушно препирались, владыка Цзинься задумчиво всматривался в туманную даль.

Он отчаянно стремился отыскать того юного даоса, чье мимолётное появление когда-то врезалось ему в память... Но даже преданные Цинфэн и Цинлай не догадывались об истинной причине этого рвения. Дело было вовсе не в мимолетной встрече в глубинах Зонта Первозданного Хаоса Земли и Неба.

Куда важнее было то, что в ауре того юноши едва уловимо, тончайшей нитью проскальзывало дыхание... «того самого человека», о котором когда-то упоминал его собственный великий учитель...

Увы, Ли Цинхэ упорно молчал, не желая выдавать тайну, а Шан Цинъюэ и вовсе пресек любые расспросы. Поиски вновь зашли в тупик.

И в этот самый миг земля под их ногами содрогнулась. Безмолвные, скованные вечными льдами горные кручи зашатались, словно потревоженные неведомой исполинской силой. Ввысь взмыл оглушительный, пронзительный набат тревожного колокола. Десятки, сотни сметенных паникой заклинателей взмыли в воздух прямо среди снежных вихрей, устремляя потрясенные взоры к главной вершине ордена.

Цинфэн едва удержался на ногах. Воздух вокруг владыки Цзинься пошел мелкой рябью, и не успели они перевести дыхание, как рядом с ними, на самом краю Вершины Облаков, сошлись из пустоты фигуры Шан Цинъюэ и главы ордена Ли Аньши.

Лица трех сильнейших мастеров эпохи сделались мрачнее грозовой тучи.

— Это Формация Великого Круга Светлого Владыки! — Ли Аньши побледнел от гнева и потрясения, начисто позабыв о подобающем главе великого ордена бесстрашии.

— Печать на самом дне Бездны демонов... рухнула!

В мгновение ока багровое, вязкое марево, напоминающее хлынувшую кровь, заволокло половину небосвода. Чистейшие снега Куньлуня окрасились алым. Звезды в вышине обратились пылающими огненными шарами, которые с шипением низвергались наземь, точно куски раскаленной лавы. Наступал настоящий конец света.

Падение печати Великого Круга означало лишь одно: Достопочтенный демон возвращается в мир смертных.

Большинство молодых учеников Даосского ордена Куньлунь никогда прежде не видели подобного кошмара. С тех пор как двенадцать золотых бессмертных объединили силы, чтобы запечатать великую Бездну демонов и сковать ее Формацией Великого Круга Светлого Владыки, минуло без малого тысячу лет.

Явление грозного Достопочтенного демона заставило содрогнуться горы и реки. Но если тогда мир защищали двенадцать великих мастеров, то теперь от бывшего величия остался лишь один-единственный бессмертный хранитель на Горе Неоставления. Если мир заклинателей первым содрогнулся под ударом этой безжалостной силы, то простым смертным внизу и вовсе грозит неминуемая гибель — земля утонет в реках крови.

Лицо владыки Цзинься приобрело землистый оттенок.

— Я немедленно отправлю весть в обитель... Но мой великий учитель уже очень давно ушел в глубокое уединение. Пока он сам не решит прервать затворничество, мы бессильны связаться с ним.

Патриарх Горы Неоставления не являл себя миру уже долгие века. Единственным доказательством того, что великий предок все еще жив, оставались древние защитные барьеры, исправно державшие оборону по всем Девяти Провинциям.

И сейчас, когда главная формация Великого Круга дала сокрушительную трещину, многие с ужасом думали: не стало ли это знамением того, что духовные силы последнего защитника окончательно иссякли?

— В таком случае мы с Цинъюэ немедленно отправляемся к Бездне демонов, — стремительно бросил Ли Аньши. — Быть может, нам удастся сдержать прорыв!

Вспыхнули ослепительные лучи света, и великие мастера растворились в воздухе. Запыхавшийся Ли Цинхэ, только что взбежавший на площадь перед храмом, застыл у порога. Глядя на бушующий вокруг багровый хаос, он ощутил, как из самых глубин его естества поднимается леденящий, первобытный ужас.

Подоспевший следом Янь Тиншуан едва сумел выдавить сквозь стучащие зубы:

— Шиди...

— Скорее созови старейшин всех пиков! — оборвал его Ли Цинхэ, у которого не осталось ни времени, ни сил выслушивать жалобы. Пытаясь унять дрожь, он торопливо сложил пальцы в печати и активировал охранные амулеты. Сотни золотых искр-вестников разлетелись во все концы ордена. — Пусть немедленно явятся на Вершину Облаков!

И в этот миг в его ушах, заглушая грохот набата, отчетливо прозвучал тихий голос владыки Цзинься:

«...как бы не пожалеть об этом, когда станет слишком поздно».

Рука Ли Цинхэ, скрытая в широком рукаве, мелко задрожала.

Когда рухнула Формация Великого Круга Светлого Владыки, Янь Фуи как раз помогал маленькой Гуань Сяохуа отрабатывать удары мечом.

Если говорить точнее, юноша, как и каждый божий день, терпеливо изнурял себя монотонной, изматывающей тренировкой, а девочка преданно сидела на корточках неподалеку и со счастливой улыбкой громко вела счет:

— Девятьсот девяносто один, девятьсот девяносто два...

Но едва клинок описал тысячную дугу, голову Янь Фуи внезапно пронзила острая, лишающая сил вспышка боли.

Приступ дурноты обрушился на него лавиной, без предупреждения и пощады. Секунду назад его разум был идеально чист и спокоен, но в мгновение ока все вокруг завертелось сумасшедшим вихрем. Земля ушла из-под ног, юноша тяжело рухнул навзничь, а перед глазами поплыла непроглядная, сочащаяся багровым пламенем тьма.

Янь Фуи с трудом перевернулся, упираясь ладонями в сухую траву, и изо всех сил зажмурился, растирая пальцами виски в тщетной надежде прогнать наваждение.

Сяохуа испуганно вскрикнула и бросилась к нему. В то же мгновение в его голове панически взвыл голос Ли Фуюя:

— Что стряслось?! Что произошло?! Опять эти куньлуньские ублюдки что-то замышляют?!

Янь Фуи лишь молча покачал головой.

— Сяохуа, — хрипло позвал он, преодолевая слабость. — Скажи... какого цвета сейчас небо?

Девочка удивленно моргнула и послушно закинула голову кверху.

И именно в этот момент со стороны деревенской околицы донесся истошный, леденящий душу крик:

— Чудовища! Сюда идут демоны! Спасайтесь, бегите!!!

Сердце Янь Фуи пропустило удар. Он услышал, как маленькая Сяохуа резко, со свистом втянула воздух сквозь зубы. Ее тонкий голосок сорвался на беспомощный, дрожащий шепот:

— Братец... небо... небо исходит кровью...

<http://bllate.org/book/20278/2131514>